

— Вег. Моссовета — 1997 — Москва — с. 8.

Премьера, о которой говорят

ВИКТЮК НА НОВОМ ВИТКЕ

Первые впечатления о спектакле «Осенние скрипки»

Новые работы Романа Виктюка всегда ожидаются с известным интересом. Чем на сей раз будет поражать режиссер, как эпатировать зрителя? Ажиотаж поклонников перед показом виктюковских премьер всегда неизбежен. Так было и на этот раз, когда в помещении театра Моссовета Маэстро представил на суд публики свое новое детище «Осенние скрипки» с Алисой Фрейндлих в главной роли.

Скупое, лаконично-изысканное черно-белое графическое оформление сцены с едва заметными приметами начала века (Владимир Боер) да негромкие милые сердцу песенки Вертинского еще до начала спектакля начали свое взаимодействие с входящими в зал зрителями. А уж когда на сцене появились три безмолвных Пьеро и, надев ролики, бесшумно поплыли по черной сцене, как бы протянув невидимые нити от Вертинского до наших дней, публика замерла в изумлении и стала неотрывно следить за малейшим движением и того, кто выступал «От театра» (Олег Исаев), и странного и предельно выразительного создания, обозначенного в программе как Коломба-Смерть (Алексей Кононов) и трио Пьеро (Евгений Атарик, Фархад Махмудов, Антон Андреев). Именно неотрывно, потому что с первых же минут почувствовалось, что не только в тексте, но и в этих отточенно выверенных, графически точных, изящных, нет, изысканных даже движениях, в этом очень красивом пластическом рисунке кроется разгадка того, что происходит с героями.

Кто-то, сидящий рядом, назвал это потом торжеством пластической выразительности. Кто-то — графической анатомией любви, ее алгеброй и геометрией, ибо спектакль был о Любви. О Любви с большой буквы, когда нет жизни без любимого, но и невозможно счастье с ним, ибо Она уже на исходе жизни, а Он только в начале пути — блистательно молод и неотразим.

И действительно, к концу первого действия, где у исполнителей было не так уж много текста и шли чуть ли не одни ремарки, стало ясно, что суть и глубину чувств героев пьесы Виктюк решил главным образом передавать средствами пластики — изысканно, возвышенно, абсолютно нереалистично. Но до чего же красиво! Однако публика интуитивно чувствовала, что это пока еще завязка, что Виктюк только еще затягивает всех в самую глубину, хотя Алиса Фрейндлих уже произнесла свою знаменитую фразу: «Позволь мне оставить тебя первой». И очень встревожилась, когда возлюбленный согласился на разрыв. «Ты согласишься?!» Сколько горечи, сожаления, разочарования, сколько любви и предчувствия беды прозвучало в этих двух коротеньких словах! Так говорить, так играть может только большая актриса!

Любуясь чистым, целомудренным зрелищем, я все первое действие ловила себя на мысли: «А где же Виктюк с его любовью к эпатажу, с его «философией в будуаре» или чем-нибудь еще в этом роде?» И когда Виктор Иванович (Дмитрий Бозин) взял на руки Варвару Васильевну, подумалось — «Ну вот теперь...». А молодой актер высоко, как на пьедестал, поднял изящную маленькую Алису Фрейндлих, как бы вознося ее героиню над всеми плотскими земными страстями...

Словом, первый акт буквально заволакивал зрителей, можно было бы назвать торжеством пластической выразительности. Но Виктюк не был бы Виктюком, если бы не подготовил для зрителей и другой сюрприз. Ведь недаром же он встретился с драматической актрисой такого масштаба, как Алиса Фрейндлих! И во втором акте стало окончательно ясно, что недаром. Шел диалог Варвары Васильевны со своим слепнущим мужем. Дмитрий Иванович Александра Балуева был в этом разговоре слабым полом: он подозревал измену, чувствовал ее и все же надеялся на то, что жена осталась верна ему. И Варвара

Варвара Васильевна — Алиса Фрейндлих;
Вера — Екатерина Карпушина
Фото Михаила ГУТЕРМАНА

Васильевна — Алиса Фрейндлих не смогла убить в слабом человеке эту веру, которая убила бы его самого. Она шла на клятвопреступление, она сочиняла невинную историю, истекая кровью и от своей святой лжи, и от своего не менее святого решения выдать приемную дочь замуж за блистательного Виктора Ивановича...

Это надо было видеть: замерший зал, ловящий каждое слово Фрейндлих и... потрясенные лица зрителей, ставших не просто свидетелями, но участниками глубокой человеческой драмы. Что Фрейндлих делала со зрителями? Просто жила жизнью своей Варвары Васильевны, а публика и сострадала ей, и понимала, почему она не открыла правды. Нет, не из шкурных, простите, соображений. Это был жертвенный шаг женщины со сломанной жизнью, но не сломленным характером.

Сцена эта стала вершиной спектакля, тем очистительным катарсисом, ради которого и живет театр. И она же, эта сцена, обнаружила с несомненной достоверностью, что Илья Сургучев — хороший драматург, русский драматург, тонко чувствующий человека и его русскую жертвенность.

А мелодрама развивалась дальше. И все больше походила на настоящую драму с ее невозможностью сколько-нибудь спокойного конца. И ходили кругами друг возле друга Варвара Васильевна и Виктор Иванович. И метались в этом нестерпимом притяжении — отталкивании, не говоря ни слова. Шли последние мгновения перед их расставанием. Вечным расставанием, за которым — ничто.

Так и стоит в глазах понурая фигура Алисы Фрейндлих, словно на время присевшей на чемодан: висят безвольные руки, нелепо вывернуты ноги, поникла голова. Абсолютное одиночество, абсолютная ненужность. Конец! Конец любви. Конец жизни.

Когда у нас в моду вошел Вертинский, многие пытались разгадать секрет его феноменального успеха еще тогда, на изломе времени. И диву давались, как соскучившиеся по нормальным, спокойным временам люди тянулись к бесхитростным его романсам о красивой жизни. Думается, Роман Виктюк художническим своим чутьем угадал подобную тягу, живущую в сегодняшнем зрителе. Угадал и блистательно использовал свою догадку, создав вместе с прекрасной актрисой спектакль, на который уже началось настоящее паломничество публики.

Дина АБРАМОВА